

Бестселлер Sunday Times №1

ЖИТЬ НАСТОЯЩИМ

*Истории
ветеринара
о том,
как животные
спасли его
жизнь*

Ноэль
Фицпатрик

От звезды
сериала
**THE
SUPERVET**

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Супервет. Невероятные истории о животных и их спасителях

Ноэль Фицпатрик

**Жить настоящим. Истории
ветеринара о том, как животные
спасли его жизнь (от звезды
сериала «The SUPERVET»)**

«ЭКСМО»

2020

УДК 619
ББК 48

Фицпатрик Н.

Жить настоящим. Истории ветеринара о том, как животные спасли его жизнь (от звезды сериала «The SUPERVET») / Н. Фицпатрик — «Эксмо», 2020 — (Супервет. Невероятные истории о животных и их спасителях)

ISBN 978-5-04-197061-1

Что заставляет нас так сильно привязываться к домашними питомцами? Что нами движет, когда мы готовы на все ради спасения жизни четвероногого друга? Лучше всего это понимают ветеринары. В книге автора бестселлера «Слушая животных» профессора Ноэля Фицпатрика вы встретитесь с Пинатом, первым в мире котом с двумя бионическими конечностями; с восьмилетней таксой Олив, работающей лечебной собакой; с великолепным доберманом, который окажется одним из самых сложных пациентов автора, и, конечно же, с его любимыми компаньонами — мейн-куном Рикошетом и неряшливой бордер-терьершей Кирой, которые всегда были рядом со своим хозяином. Прошло 30 лет с тех пор, как Ноэль Фицпатрик получил диплом ветеринарного хирурга, сейчас он один из ведущих мировых специалистов в своей области. На пути к этой вершине Ноэль вылечил тысячи животных, многие из которых считались безнадежными, животных, которые изменили его жизнь и жизнь окружающих к лучшему. Если предыдущий бестселлер «Санди Таймс» № 1 «Слушая животных» был о пути автора к тому, чтобы стать суперветеринаром, то эта книга о том, каково это на самом деле — каждый день бороться за жизнь беззащитных существ и оставаться настоящим человеком. Автор делится трогательными и часто забавными историями о животных, которых лечил, размышляет о ценных уроках Целостности, Заботы, Любви и Надежды, которым они его научили, — уроках, которые поддерживали его на пути невероятных взлетов и падений в профессии, где на карту буквально была поставлена жизнь. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 619

ББК 48

ISBN 978-5-04-197061-1

© Фицпатрик Н., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог: конец	7
1	12
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ноэль Фицпатрик
Жить настоящим. Истории ветеринара
о том, как животные спасли его жизнь

Noel Fitzpatrick

HOW ANIMALS SAVED MY LIFE: Being Th e Supervet

Copyright © Fitz All Media Limited 2020

Th e Power of Now. Copyright © 1999 by Eckhart Tolle. Phonogram 2001

by New World Library. Aired with permission of New World Library,

Novato, CA. www.newworldlibrary.com

First published by Trapeze, London

Во внутреннем оформлении использованы элементы дизайна:

Foxy Fox, Anastasiia Gevko / Shutterstock / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог: конец

Вспоминая свою работу сельским ветеринаром в Ирландии, больше всего я скучаю по сияющей зелени, которая буквально обжигает глаза радостью. Зелени со вкусом дождя, опьяняющего наслаждением. Дождь в западной части Ирландии имеет другой вкус – словно у тебя пересохло в горле и Господь пролил воды Свои с небес прямо тебе в рот. В Западном Корке дождь приходит с Атлантики и льет с такой силой, что, когда я ехал на своей потрепанной и ржавой старенькой «мазде» на приличной скорости, дождь заливал ветровое стекло сплошным потоком и я прекрасно видел, куда еду, хотя дворники давно сломались. Мне приходилось открывать все окна, чтобы они не запотели, а на пассажирском сиденье всегда лежала стопка газет, чтобы вытирать стекла.

Тем утром тучи напоминали огромные комки мокрой ваты. Они буквально придавливали зелень деревьев и травы к земле, испещренной ручьями и озерами. Радиосигнал на прибрежных горных дорогах был неважным, но у меня имелась кассетная магнитола, и сейчас я слушал Crazy в исполнении блестящего вокалиста Сила. «В мире, полном людей, лишь немногие хотят летать», – мурлыкал я себе под нос, проезжая один из множества поворотов на извилистой горной дороге. Петь или танцевать я не умею, но, сидя на потрепанном водительском сиденье с продавленными пружинами, я ухитрялся делать и то, и другое. Дождь лил стеной, поднимался туман, намокшие живые изгороди царапали ржавые бока моей желтой «мазды», на каждом ухабе машину обдавало водой. Я положил локоть на открытое окно: мне казалось, что я могу коснуться облачного одеяла, обнявшего это утро прохладным, влажным объятием. А потом какой-то небесный волшебник взмахнул палочкой, туман рассеялся, дождь прекратился, поднялось солнце, и передо мной, как шкатулка со сверкающими драгоценностями, распахнулась долина. Я с восхищением смотрел на роскошную радугу, которая медленно проявлялась на сияющем небе.

И тут я увидел его – маленького мальчика лет десяти, не больше. Он сидел на обочине дороги под большим деревом, и слезы текли по его лицу. Я остановился, вышел из машины, спросил, все ли с ним в порядке, а потом увидел, что на руках он держит маленького коричневого кролика. Мальчик ничего не говорил, лишь укачивал маленький пушистый комочек. Я повторил свой вопрос, но мальчик опять промолчал. Тогда я сел рядом с ним и долго сидел, глядя на него. Мне хотелось погладить кролика, обнять мальчика, но я сдержался. Мне было ясно: кролик умирает.

Наконец мальчик поднял на меня печальные большие глаза и спросил:

– Вы же ветеринар, правда?

Я кивнул.

– Вы можете его спасти?

Я покачал головой. Мальчик снова затих. Он печально склонился над своим умирающим другом и беззвучно заплакал.

Мы сидели молча. Капли дождя падали на нас с листьев дерева. Я не в первый и не в последний раз дивился величию всего, что меня окружало – краткосрочности и хрупкости нашего существования в этом мире. Я поднял глаза. Над нами высился каштан. Когда мне было столько же лет, сколько этому мальчику, я часто забирался на большой каштан в родительском саду, на котором мечтал о приключениях собственного супергероя – Ветмена. Я отправлял его во все концы земли спасать страдающих животных. Меня неожиданно охватила сильнейшая тоска: я понял собственное бессилие, ведь я не мог спасти кролика этого мальчика.

Я вырос на ферме, где прагматичное отношение к животным было нормой: мы жили рядом с ними, старались ухаживать за ними в меру сил, мы их убивали и ели. Кролики были сущим наказанием для фермеров: они поедали ценный урожай. Но для этого мальчика малень-

кое пушистое создание на руках было целым миром. Я знал это по собственному опыту: я сам заботился о мышках и котятках и часто сидел в темном амбаре, обнимая любимого пса Пирата и рассказывая ему свои истории. Мы с Пиратом были чужаками в обоих наших мирах. Такие души, как у нас с ним, связаны в жизни и смерти, болезни и здравии. Я видел в животных мыслящих существ – существ, которые чувствуют, мыслят и испытывают желания в точности как люди. А сейчас мы с мальчиком сидели у дороги, страдая от одинаковой внутренней боли и переживая общую безмолвную скорбь.

Я вспомнил морозную ночь 1978 года, когда мне было десять лет, и на залитом лунным светом поле я потерял своего первого пациента. Тогда я не сумел спасти ягненка на нашей ферме в Баллифине. Я чувствовал себя бесполезным и жалким. Прошло четырнадцать лет, и вот я сидел на холодном ветру рядом с мальчиком и его умирающим кроликом и испытывал те же чувства. Я десять лет учился, чтобы стать хирургом-ветеринаром, дал клятву заботиться обо всех животных, а сейчас мог сделать лишь одно – усыпить маленькое существо, чтобы оно больше не страдало. Так же, как в детстве, мне захотелось вырвать эту крошечную жизнь из лап смерти и вернуть надежду маленькому мальчику. Но я не мог. Даже если бы мог, делать этого не следовало. Еще на заре своей карьеры я убедился, что бывают случаи, когда ничего нельзя сделать.

После долгой паузы мальчик посмотрел на меня и спросил:

– Мистер, а что будет дальше?

Я помолчал, положил руку ему на плечо и сказал:

– Мне кажется, нам нужно помочь ему на этом пути... Верно?

Мальчик кивнул, но повторил свой вопрос:

– Но что будет дальше, мистер?

Я помедлил, не зная, что ответить, но потом наклонился вперед и прошептал:

– Ты хочешь знать, что будет после того как он уйдет?

Мальчик кивнул.

Этот вопрос. Что будет дальше? Я сидел под каштаном на склоне холма в Западном Корке, и маленький мальчик спрашивал меня о смысле всей нашей жизни.

В ветеринарной школе к таким вопросам не готовили. Что все это значит? Зачем все это? Для чего? Может быть, мальчик просто хотел знать, что делать с телом бедного кролика после эвтаназии, но в моей голове возникли все эти «большие вопросы». Ответов на них у меня не было, но я вдруг ощутил свою огромную ответственность: сказанное мной может навсегда изменить отношение этого мальчика к жизни и смерти.

Я по-прежнему не знал, что ответить. Я смотрел на прекрасную долину, реки, озера, деревья, горы. Солнце играло на поднимающемся тумане, постепенно скрывающем безмятежную, идиллическую картину. Я смотрел на далекую гору на горизонте, и тут мне в голову пришла мысль – ее принес дождь, вкус которого я чувствую и сегодня.

– Видишь вершину горы, вон там?

Мальчик посмотрел на долину, на гору, на самую ее вершину, повернулся ко мне и кивнул.

– Ну вот, – продолжал я. – Хотя ты не можешь видеть другой склон горы, ты точно знаешь, что там есть что-то большое и прекрасное... Верно?

Мальчик долго молчал. Мы оба смотрели на горизонт, словно видели его впервые. Мне очень понравилась собственная метафора. Я надеялся, что сумел научить мальчика думать не только о своем земном существовании, но и о чем-то более высоком и вечном – там, за мостом радуги. Я напрочь забыл, что большинство десятилетних мальчишек не воспринимают метафор. В таком возрасте мне было трудно воспринимать даже буквальные описания. Мальчик очень, очень долго смотрел на гору, а потом перевел глаза на меня и сказал:

– Конечно есть, мистер! Ведь там Данменвей!

И с тех пор Данменвей в графстве Корк навечно останется для меня небесным раем.

Я хирург, и каждый день своей жизни шагаю по тропе между жизнью и смертью, и тропа эта ведет к вершине горы. Я пытаюсь обрести какой-то покой и надежду.

Я усыпил бесчисленное множество животных. Хотя слова сочувствия и симпатии в таких ситуациях зависят от обстоятельств, но после происходит одно и то же перед моими глазами разворачиваются человеческие жизни. В момент ухода любимого животного имидж, который мы поддерживаем перед друзьями, родными и обществом, рушится. И остается сущность человека, которую он делил с этим животным и, возможно, не делил ни с одним человеком. Все, что казалось нам таким важным, теряет смысл, а в нас пробуждается нечто такое, чего мы даже не осознавали.

Для некоторых животное – это всего лишь кролик, собака или кошка. Но для меня и для людей в моем кабинете – животное и наша забота о нем – это именно то, что делает нас по-настоящему человеческими. В такой момент перед нами проносится вся наша жизнь: развод, радости и трагедии детей, уход любимого человека, работа, о которой мы мечтали и никогда не нашли, неприятный начальник, партнер, которого мы воспринимаем как должное, наша собственная смерть и то, ради чего нужно жить... Все это проносится перед глазами, когда держишь в руках лапу друга, чья жизнь постепенно угасает. Это абсолютная любовь: среди людей такая любовь большая редкость. Эта любовь делает нас лучше и не дает совершать дурные поступки. Эта любовь спасает нас от самих себя. Такой любви и чувству единения с животными я посвятил свою жизнь, поскольку она не раз спасала мою жизнь.

* * *

Работая над этой книгой, я особенно остро осознал это единение. Я чуть было не умер. Лапа животного в очередной раз провела меня по пути просветления, но слишком поздно я пережил величайшее пробуждение в своей жизни. Мир понял, что значит затормозить, нажать на кнопку «стоп» и полностью замереть. Неожиданно все наши серьезные проблемы оказались крохотными перед лицом огромной угрозы человечеству со стороны крохотного вируса – коронавируса (COVID-19).

Я продолжал разговаривать с тем мальчиком под каштаном на обочине. Он рассказал, что спас маленького крольчонка, когда комбайн разорил гнездо и всех его обитателей. Он сделал для кролика небольшой домик. Отец не понимал, почему сыну так дорог обычный кролик (надо сказать, что этот мужчина ничем не отличался от моего отца). И этот мальчик, и я выросли на настоящих фермах, где не было ни времени, ни места для таких «детских чувств». Но я повзрослел, стал ветеринаром, продолжил обучение, стал настоящим специалистом и профессором. И с каждым днем я все острее понимал, что, хотя научные знания и профессиональные навыки очень важны, все ученые степени блекнут в сравнении с мотивацией моего воображаемого героя Ветмена, который хотел помочь всем животным и показать человечеству, что единение всех живых существ сделает нашу планету намного лучше.

Чем больше человек узнает, тем вышемернее он становится, если ставит это выше сочувствия. И я сам давно отдалился от детской убежденности, что любовь и здравый смысл всегда побеждают. Книжные знания появились, потому что тот, кто об этом писал, был убежден в их истинности. Если бы год назад я написал, что пандемия остановит мир, люди сказали бы, что это фантастика. Однако на лекции по «Единой медицине» в октябре 2019 года я сказал именно это. Фантастика стала реальностью, пандемия проложила смертельный путь по планете – истины переписываются каждый день.

Сегодня это может показаться фантастикой, но я всегда верил, что, только ухаживая за животными, мы сможем ухаживать и за собой.

Медицинские профессии – и человеческая, и ветеринарная – должны объединиться в Единую медицину. Мы должны переписать свое восприятие «истины» в медицине. Не сделав этого, мы рискуем исчезнуть как вид; из-за высокомерного отношения к болезням, экосистемам и среде обитания, влияющей на наших друзей-животных, от которых мы зависим. Мы считаем себя высшими мыслящими существами, потому что умеем решать проблемы. Мы тратим триллионы долларов на открытие новых планет и одновременно продолжаем уничтожать собственную планету. Но достаточно крохотного вируса, и надутый шар нашего высокомерия лопнет. Неслучайно вирус получил название «короны»: он мгновенно стал жестоким хозяином нашей планеты. Одержат победу над болезнью мы сможем, лишь объединив усилия, лишь начав изучать болезнь у человека и животных и искать общие лекарства в рамках Единой медицины.

Я часто думаю, многие ли из тех, кому мы доверили управление нашими странами, поступают правильно. Животные не осуждают нас. Они принимают нас целиком и позволяют быть самими собой. Они верят, что мы поступаем правильно. Мы можем учиться и развиваться, опираясь на эту особую, простую, абсолютную любовь: это может спасти нас от самих себя. Каждый из нас может стать счастливее, эффективнее, лучше в работе. Мы можем стать более твердыми лидерами, более заботливыми партнерами, более позитивными, страстными и способными к сочувствию. Мы можем стать менее раздражительными, можем меньше беспокоиться и думать о материальном мире.

Я верю, что моя любовь к пациентам и моим любимым спутникам – бордер-терьеру Кире и мейнкуну Рикшету – спасла меня от эгоистического, самодовольного желания быть Суперветеринаром. В повседневной жизни и работе животные снова и снова показывают, что они могут помочь нам стать теми, кем мы хотим стать, – нам нужно только прислушаться.

* * *

Кролик того мальчика умирал от миксоматоза – в годы моего ирландского детства эта болезнь была эндемичной. Миксоматоз вызывал вирус, который передавался от бразильских зайцев тапети. Бразильские зайцы адаптировались к жизни с вирусом, а для европейских кроликов болезнь часто становилась смертельной. Миксоматоз передается кроликам через промежуточного хозяина – комара, блоху, вошь или клеща – и ведет к мучительной смерти, свидетелем которой я много раз бывал. Коронавирус тоже вызывает мучительную смерть, и вирус этот был передан нам животным-хозяином, летучей мышью. Далее он уже передается через промежуточных носителей вируса. Пока что мы ничего не можем утверждать с полной уверенностью. Мы знаем лишь, что будущее медицины и спасение планеты зависят от четырех факторов: этики, доказательности, эффективности и образования.

Мы должны разработать систему образования в человеческой и ветеринарной медицине так, чтобы «объединенные усилия» повысили доказательность эффективности любого исследования или лечения. Это и есть единственный поистине этический подход. Я точно знаю, что следующему поколению придется расплачиваться за пренебрежение к естественным болезням животных, будь то инфекция, рак или любая другая болезнь. Мы пренебрегаем уроками, которые могли бы получить в сотрудничестве человеческой и ветеринарной медицины, в Единой медицине. Ставки слишком высоки, чтобы мы могли и дальше игнорировать очевидные доказательства, которые природа буквально бросает нам в лицо. Мы должны прислушаться к животным, потому что они могут спасти наши жизни и жизни наших детей.

Я написал эту книгу по единственной причине. По той самой, которая заставляет меня работать, консультировать, браться за скальпель в операционной, держать за лапу поправляющегося пациента, писать научные статьи или тексты лекций. Именно по этой причине я сделал Единую медицину главной целью моей жизни и работы. Я хочу помочь человеку или животному прожить лучшую жизнь, стать лучшим «существом». Я верю, что все животные и люди – существа, соединенные чем-то более великим, чем все мы. Это великое выше суетного желания стать Суперветеринаром, выше всего, чего я смогу достичь в своей жизни. Но если моя книга поможет одному человеку или одному животному, этого будет для меня достаточно.

* * *

Мальчик передал мне обмякшее тельце кролика. Бедняга уже еле дышал. В багажнике машины я сделал ему последний укол – прямо в сердце. Самый быстрый способ в таких обстоятельствах. Да, ужасный, но необходимый и мирный одновременно. Я показал мальчику тельце, он кивнул. Слезы струились по его щекам.

– Он обрел покой, – сказал я. – Мне его забрать?

Мальчик кивнул.

– С тобой все хорошо? – спросил я.

Мальчик смотрел на меня. Глаза его расширились от страха неизвестности. Я положил руку ему на плечо и прошептал:

– Все будет хорошо.

Когда я сел в машину, мальчик неловко толкнул меня локтем и смущенно прошептал:

– Спасибо, что побыли со мной, мистер. Спасибо, что не пожалели времени.

Он повернулся и зашагал к ферме. Я положил кролика на стопку газет на пассажирском сиденье и покатыл в новый день.

Не знаю, что произошло с тем мальчиком. Не знаю, сыграли ли какую-то роль в его жизни мои поступки и слова. Но тот день полностью изменил мое отношение к рождению, смерти и тому мгновению, которое мы называем жизнью.

Это все – время, а время – это все, что у нас есть. Но что мы делаем с нашим временем?

Спасибо, что позволили мне поделиться с вами тем, как животные спасли меня от пустоты в жизни и глубокого мрака, в котором я не видел ни луча света. Спасибо, что начали задумываться над великой истиной: в этом путешествии мы идем плечом к плечу – вы, я, люди, животные.

Могу лишь надеяться, что наш общий кризис COVID-19 принесет единство вместо изоляции, сочувствие вместо безразличия, солидарность и единение вместо одиночества. В этом мы едины. Мы всегда едины – в начале и в конце.

1

Усвоение

“Мы должны усвоить эту идею совершенства. Очень немногие тратят время, пытаясь достичь совершенства”.

Барак Обама

Усвоение идеала, убеждения или системы ценностей делает их неотъемлемой частью отношения к жизни, образу мыслей и становится центральным качеством вашей личности, поведения и образа жизни. Если бы я потратил на усвоение любви и успеха хотя бы половину времени, потраченного на боль и неудачи, я стал бы потрясающим человеком.

Главным качеством для меня, которое я надеюсь усвоить, остается цельность. Для меня цельность – это честность и твердые моральные принципы. Цельность – это ответственность за свои поступки, личные и профессиональные. Это готовность смотреть в зеркало и не лгать себе. Это способность объективно оценивать свои мотивы: почему я поступаю так, а не иначе? Если я буду лгать себе, то как бы я ни маскировал эту ложь, чтобы обмануть свою моральную (или аморальную) совесть, я все равно буду лгать себе и всем другим.

Когда речь идет о благополучии животного, доверенного моей заботе, и о моей ответственности перед его опекунами, мой моральный компас направляет меня единственно правильным путем. Я искренне убежден в своей абсолютной цельности. С той же честностью могу сказать, что в своей жизни я не раз оступался, потому что мне не хватало той же концентрации и уверенности, как и в профессиональной ветеринарной деятельности.

Я понял, что проблем в отношениях в последние тридцать лет можно было избежать, прояви я хоть чуточку больше любви, доверия, близости и уважения. Теперь я стараюсь учиться у мастеров – животных, которых мне доверили лечить, и у моих домашних любимцев Киры и Рикшета. Собака и кот каждый день дают мне уроки любви, заботы и цельности. Пшеничная Кира с густыми бровями (уже слегка поседевшими, как и у ее папочки) – мой верный компаньон и уютное одеяло вот уже тринадцать лет. Она прошла вместе со мной самые сложные годы моей карьеры, когда я создавал свою клинику, клинику Фицпатрика. А недавно у меня появился верный приятель Рикшет – огромный черный комочек меха и кошачьего величия. У него замечательные огромные ярко-желтые глаза. Своими гигантскими лапами, достойными панды, он держит мое сердце и занимает в нем достойное место. Он – настоящий вихрь любви. Он будит меня утром своими ласками и поцелуями, а по вечерам мы обнимаемся, пока оба не заснем. Я безумно люблю их обоих.

Если бы я хоть на секунду был с ними нечестен, то меня никто не лизнул бы в лицо и не ткнулся бы прямо в глаз мокрым носом. Они почуяли бы мое ханжество, если бы я не пошел на обещанную прогулку, не накормил бы в обещанное время или раздраженно отмахнулся бы от их любви. И они сразу же заявили бы мне, что я должен немедленно прекратить вести себя подобным образом. Опекунство над собакой или кошкой требует полной преданности и верности своему слову, даже если настроение, в котором вы давали обещание, давно изменилось. Для меня такая честность и является «усвоенной» цельностью.

Изо дня в день жизнь и смерть пациентов находятся в руках хирурга. Если я хоть на секунду потеряю цельность, то потеряю все. Если же у меня есть усвоенная цельность, я всегда найду смелость сделать все необходимое, чем бы это мне ни грозило. Это нужно нам всем. И животные могут нас этому научить.

* * *

В висках у меня стучало, сердце отчаянно колотилось и готово было выпрыгнуть из груди, в животе скрутился тугой комок. Я не мог дышать, потому что у меня перехватило дыхание. Охранник Тони закрыл дверь. Я осмотрелся вокруг – голые белые стены и ничего лишнего. Все сверкало чистотой и простотой – стол, стул, диван, туалет, душ, даже шторы. Небольшие светильники давали приглушенный, мягкий свет – несомненно, это было сделано для создания спокойной и комфортной атмосферы, необходимой для подготовки к тому, что ждет впереди. Но мне в тот момент эта атмосфера казалась зловещей. Я выключил свет, лег на диван и с ужасом уставился в потолок.

Мысли мои унеслись в другой мир, где не было острых углов, а лишь мягкие, размытые очертания. Я вернулся в свое детство в Баллифине, на свою узкую белую кровать, которая, стоило лишь мне повернуться, издавала пронзительный скрип, словно одинокая мышь. В этой комнате темнота отличалась от той, что я ощутил ночью, вернувшись с морозного поля, где не сумел спасти ягненка. Тогда моя жизнь изменилась навсегда. Я все еще чувствовал приглушенный свет, хотя и закрыл глаза. Я уже не знал, он снаружи или внутри моей головы. Я просто лежал неподвижно, оглушенный собственной беспомощностью. Спустя почти сорок лет, 25 ноября 2018 года, я снова чувствовал, что недостаточно хорош, недостаточно силен и недостаточно смел.

Той ночью в детстве я смотрел на миллионы звезд в бескрайнем небе и чувствовал себя бесполезной пылинкой. Я нашел самую яркую звезду и поклялся ей, что когда-нибудь стану достаточно сильным, смелым и умным, чтобы достать ее с неба и сохранить ее свет в своей душе.

А вскоре в моем детском воображении появился Ветмен.

Он бродил по джунглям в поисках растений для новых лекарств
И обнаружил возле озера огромный кратер.
Огромная, яркая звезда упала на Землю,
И в волшебной звездной пыли, осыпавшей все вокруг,
Ветмен нашел молекулы любви.
Любовь живет на звездах!
Ветмен назвал эту пыль волшебной бионической пылью
И сделал из нее наполненный любовью клей,
Который мог заделать все трещины и поломки, – все стало
блестящим и новым.
Его волшебная бионическая пыль залечила все раны.
Если бы мы могли просто поверить в любовь,
Она излечила бы и нас тоже.

В реальной жизни все два часа, что я провел на сцене лондонской арены O2 перед несколькими тысячами людей в рамках турне Supervet Live, я пытался впитать в себя свет гигантской звезды, сиявшей на экране за моей спиной, и передать его всем своим слушателям, чтобы они понесли его в мир. Но говорить и даже шептать я не мог, ибо полностью потерял голос. В два последних месяца по выходным я выступал на огромных аренах, но никогда еще не испытывал такого леденящего ужаса. Возможно, это из-за того, что я видел на этой сцене множество замечательных выступлений. А может быть, просто онемел, потому что всю жизнь готовился к этому моменту и теперь не знал, как справиться. Но как бы там ни было, все произошло из-за того, что я снова превратился в ребенка, мечтавшего о Ветмене – спасителе мира.

Впрочем, скорее всего, я просто вымотался: перед кульминацией я уже выступил более двадцати раз – трижды в Питерборо и Брайтоне только за последние тридцать шесть часов. Силы иссякли. Я не мог сдерживать дрожь безумного страха и ощущения полной бесполезности своего существования. Я свернулся в клубочек на диване в темной комнате, как когда-то ночью на ирландской ферме. Мне казалось, что все мои мечты рушатся на глазах.

Я не мог выйти на сцену – нужно было отменять выступление. Если бы все случилось раньше, когда меня окружали члены нашей группы... Но было слишком поздно: зрители уже собирались на арене. Я снова и снова пытался повторить одну скороговорку собственного изобретения. Смысла в ней не было никакого, но она помогала мне разговаривать перед выходом на сцену. Звезда моего детства стала моим талисманом, когда я писал тексты для шоу и одновременно занимался своей обычной ветеринарной работой. Мне нужно было вспомнить, зачем я все это делаю, но я не мог произнести ни слова.

В дверь постучали. Приехал фониатр. Эта женщина помогла огромному множеству таких же, как и я. Тем, кто находился на грани отмены шоу. Я наклонился, и она вколола мне витамин В₁₂. Доктор сказала, что все будет хорошо. Она выписала мне 60 мг преднизолона, и я проглотил лекарство, словно на Тайной вечере. Ситуация казалась мне мелодраматичной. Доктор исчезла так же быстро, как появилась. Она была чудесным ангелом, посылаемым тем, кто вот-вот должен был потерпеть крах на глазах публики. Я точно знаю, что поступать так слишком часто нельзя, иначе можно подорвать собственное здоровье. Но финальная джига Лепрекона любви стоила того.

Я лежал на спине на диване. На этом диване до меня лежали все те, кто выступал на этой сцене, – с уколами или без. Я закрыл глаза и гадал, думали ли все эти люди о хрупкости нашего существования в суете жизни.

Многие вещи в своей жизни мы воспринимаем как должное, пока не лишаемся этого.

Как все эти артисты справлялись со страхом сцены? Как им удавалось выступать перед тысячами слушателей вечер за вечером? Какова была сила их веры, что они справлялись с этой задачей? Они зарабатывали этим на жизнь с самой юности, я же бесконечно учился, занимался своей работой: орудовал скальпелем, а не музыкальным инструментом. Но, будучи хирургом, я отлично понимал всю остроту надежды и одиночества.

Я думал о собственной смерти, хотя выход на сцену вовсе не был вопросом жизни и смерти. А что будет, если лекарство не сработает? Что, если я онемею от страха, выйдя на сцену O2? Я не ощущал ожидаемой эйфории от финала турне. Я знал, что это выступление должно стать величайшим публичным выступлением моей жизни, но я ничего не чувствовал (и не только от местной анестезии в горле). Меня парализовал страх провала. Я не представлял, что произойдет дальше.

А потом случилось чудо: животным в критическом состоянии я неоднократно делал уколы больших доз стероидов, но до этого вечера никогда не испытывал ничего подобного на себе. Надеюсь, больше мне такое средство не понадобится, но тогда это было прекрасно. Примерно через час после приема лекарства мертвая хватка на моей гортани ослабела. Я смог произнести свою скороговорку, а через полчаса был готов выступать. Через два часа я вышел на сцену. Шум, свет, действие. Слушатели разразились аплодисментами. И все закрутилось.

Во время выступления я рассказывал историю моей жизни, надеясь вдохновить тех, кто переживает трудные времена или мечтает о звезде, как мечтал я много лет назад. Мне хотелось передать слушателям силу усвоения позитивных мыслей, чтобы они поверили: все возможно, кто бы ни пытался убедить их в обратном. Я говорил о надежде и искуплении через абсолютную любовь, которую мы делим с животными; рассказывал о своем детстве на ирландской ферме; о том, как меня мучили в школе, где я чувствовал себя чужаком; рассказывал о дружбе с Пира-

том; о появлении Ветмена, который спасал всех животных, да и меня тоже. Я рассказывал об учебе в ветеринарной школе, экзаменах, обо всем, что происходило в студенческие годы, когда я демонстрировал вязаную одежду. Я рассказывал, как поехал учиться в Филадельфию, потому что был убежден, что там живет Рокки. Я смеялся вместе со слушателями, когда вспоминал свои первые шаги на драматическом поприще и участие в телевизионных сериалах, а также в (не самом эпичном) фильме «Корабль-призрак».

Мы вместе прошли мой путь. Я рассказывал о работе ветеринара в сельской глубинке Ирландии, где мне пришлось сделать первую ортопедическую операцию на кухонном столе в доме фермера Ларри. Ларри оставил мне драгоценное наследство, заметив в тот день: «Все кажется невозможным, пока не случится». Этот афоризм и сегодня остается для меня источником вдохновения. Я уже вспоминал тот вечер, как корова окатила меня экскрементами, когда я занимался ее копытами при свете фар трактора. Рассказал, что решил, выковыривая коровьи экскременты из ушей, – ветеринария сельскохозяйственных животных не мой путь.

Рассказывал, как непросто было найти свой путь в дебрях профессии, поскольку почему-то не проявил достаточно сообразительности, чтобы пройти интернатуру или резидентуру; рассказывал, как недовольство существующим положением дел ведет к инновациям и прогрессу, но одновременно накладывает тяжелый груз этической ответственности и грозит тяжелыми неудачами; рассказывал о бионических искусственных конечностях у собак и кошек и о том, как это могло бы помочь моему дяде Полу, вынужденному терпеть боль и страдания от примитивного деревянного протеза. Эта история и привела к созданию телевизионного шоу «Супервет». Программа стала выходить в 2014 году на четвертом канале и навсегда изменила мою жизнь. Мы сняли более 110 эпизодов.

В заключение я говорил о том, как в первом в истории анатомическом театре в Италии в 1637 году параллельно изучали людей и животных, но потом человеческая медицина и ветеринария пошли разными путями, так никогда и не соединившись вновь. Я говорил об успехах и неудачах в хирургии животных и людей, о том, что создание Единой медицины пойдет на пользу всем пациентам. Я говорил, что такой подход станет прогрессом планеты, ведь сейчас мы продолжаем эксплуатировать животных, не предлагаем им ничего взамен и ставим некоторые виды на грань исчезновения. Я говорил о своей вере в мир, основанный на сочувствии и уважении, о своем вкладе по приближению этого будущего. Я хотел, чтобы все слушатели унесли с собой частицу звездной пыли любви Ветмена, ощутили ее силу и поверили, что она поможет им воплотить свои мечты в жизнь.

В конце выступления на сцену вышла Кира и, как всегда, украдала мой успех: она была настоящей звездой и, в очередной раз, удостоилась настоящей овации. От имени Киры я поклонился под рефрен песни One More Light группы Linkin Park. Песня была написана в честь памяти Честера Беннингтона, певца группы, который покончил с собой из-за болезненной зависимости, депрессии и безнадежности.

За свою жизнь я усвоил все виды боли. О некоторых я рассказал, другие остались погребенными в глубинах времени.

Многие из нас притворяются, что нам все по плечу, мы живем и сохраняем некое подобие здравомыслия, чтобы никто не догадывался о наших травмах.

Но в душах большинства из нас продолжают жить демоны. У некоторых эти демоны настолько приближаются к поверхности, что даже самая невинная мелочь вызывает раздражение – так лошадь, которую когда-то напугал человек в длинном пальто, будет вечно шарахаться от мужчин в такой одежде. Кто-то пытается подавить шрамы травм детства, похоронив их в глубинах души. Нам кажется, что другого способа справиться с ними не существует.

Когда в нашей жизни происходят катаклизмы, старые раны обнажаются, и мы переживаем эмоциональную боль и ее тяжелейшие последствия. В таких ситуациях у нас есть выбор. Мы можем впустить свет и искать помощи, а можем бежать сломя голову, разбрасывая грязь, как коты, закапывающие собственный туалет. Мы не возвращаемся, потому что там воняет. По своему опыту могу сказать, что первый выбор самый трудный, ведь свет высвечивает наш тайный ужас.

Глубоко усвоенные детские травмы и самые глубокие шрамы начинают кровоточить, когда их вскрывает какой-то удар или жизненные обстоятельства. Я не сомневаюсь, что мои родители были супергероями, в жизни которых не было места лжи. В сельской католической ирландской глубинке они делали для меня, четырех моих сестер и брата все, что было в их силах. В центре их жизни лежал труд, непоколебимая вера в Бога и цельность семьи. Я усвоил эти ценности. Мама проходила по несколько километров, чтобы принести воду из колодца или молоко с местной фермы. А ведь в это время она была беременна, и двое маленьких детей шагали рядом с ней. Отец всю жизнь работал, ведь Бог послал его на эту землю, чтобы он ухаживал за животными и возделывал пашню. В довольно замкнутой среде фермы я рос «настоящим мужчиной». Я знал, что не должен поддаваться слабостям. Бог посылает нам испытания и страдания, о которых не следует говорить, даже если боль очень сильна.

Йога учит нас, что мы рождаемся с кармическим наследием ментальных и эмоциональных паттернов – самскара (на санскрите «сам» означает «полный», а «кара» – «действие»). Мы проходим через эти паттерны снова и снова в течение всей жизни. В этом смысле я унаследовал шрамы отца и сдирал корочку вновь и вновь, надеясь заслужить одобрение, чего так и не случилось. Я хирург, и моя работа – лечить физические травмы. Но я понял, что воздействие травм эмоциональных куда тяжелее. Мне они причинили такую боль, от которой меня не могла бы излечить никакая операция. Я боролся с ними сорок лет – все время учебы и работы.

Сенсорная информация поступает в мозг, в тот его участок, который называется таламусом, а оттуда – в новую кору, являющуюся мыслящим или рациональным мозгом, а также в небольшой миндалевидный орган серого вещества, расположенный между полушариями мозга – мозжечковую миндалину. Мозжечковая миндалина – это центр реакции «дерись или беги». Она управляет эмоциями и настроением, страхом, гневом, агрессией и печалью. Мы переживаем их, а затем они хранятся в гиппокампе, расположенном за миндалиной. Гиппокамп получает информацию от миндалины и отвечает за обработку эмоциональных реакций и долгосрочной памяти, чтобы человек мог распознать те же триггеры и избежать их в будущем. Это одновременно и хорошо, и плохо. Если эмоциональная запись гиппокампа распознает стимул как потенциально болезненный, миндалина получает сигнал запустить реакцию «дерись, беги или замри». А это вызывает еще более сильную эмоциональную реакцию, совершенно спонтанную и острую. И реакция эта подавляет рациональные мысли новой коры, о чем мы можем впоследствии пожалеть.

В 1996 году Дэниел Гоулман написал книгу «Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ». В ней он использовал выражение «угон мозжечковой миндалины» – так он назвал мощную эмоциональную реакцию, которая может оказаться совершенно непропорциональной вызвавшему ее стимулу.

Мне кажется: большинству медиков каждый день приходится подавлять реакцию «дерись, беги или замри», иначе ни один хирург не смог бы взяться за скальпель.

За годы жизни моя мозжечковая миндалина усвоила немало боли, как и у всех нас. Когда шрамы воспаляются, мы поддаемся влиянию эмоций, а не разума: мозг взрывается от шума, смятения, депрессии, страха и деструктивного поведения. Это моя «травматология» с самого

детства. В ней собрались все пращи и стрелы суровой жизни. Хотя я и не знал этого, но пуля была готова поразить меня в самое сердце, и «угон» был неминуем.

В детстве я никогда не уезжал далеко от дома. Наша семья лишь раз в год отправлялась на море в Трамор. По воскресеньям я был алтарником в церкви. Я учился в маленькой местной католической начальной школе с совершенно бессмысленной программой, чего никто не замечал или просто никто не хотел говорить об этом. В 1985 году перешел в среднюю школу. Мне было одиннадцать лет, и я оказался совершенно не готов – ни академически, ни эмоционально – к суровой атмосфере школы для мальчиков, куда дети съезжались со всех концов Ирландии. И все они были образованны и знали жизнь гораздо лучше меня. Я быстро понял, что я – другой. Другие мальчики тоже это поняли и начали травить меня. Некоторые одноклассники находили удовольствие в том, чтобы швырнуть меня в заброшенный карьер, а потом кинуть сверху мои учебники и велосипед. Мне приходилось выбираться из грязи и вонючих отбросов. Поняв, что физическое насилие на меня не действует, одноклассники нашли другой способ мучений – они рвали мои тетради и учебники, в которые я вкладывал всю душу. Мучения продолжались, и я становился все более замкнутым и с головой уходил в учебу. Я засиживался в школе допоздна, надеясь, что все разойдется и я смогу спокойно вернуться домой. От этой травмы я бежал всю свою взрослую жизнь – лишь тридцать лет спустя я смог пролить целебный свет на эти раны, рассказав о них в книге «Слушая животных» и в своих выступлениях во время турне. Но эмоциональные шрамы быстро не проходят – очень скоро они снова обнажились и стали кровоточить.

В турне Supervet Live я приобрел потрясающий опыт, в поездках по Великобритании и Ирландии встретился со множеством замечательных и поразительно скромных людей. Их было слишком много, чтобы я мог всех назвать. Маленькая девочка смотрела нашу программу, проходя курс химиотерапии. Старик откладывал деньги полгода, чтобы побывать на нашей программе – он обнял и поблагодарил меня, сказав, что теперь может умереть счастливым. Мальчик в инвалидном кресле связал для меня шарф, а когда мы встретились после выступления, он повторил те же слова, что мальчик с кроликом в Корке: «Спасибо, что уделили мне время».

Время – это все, что у нас есть. Хотел бы я потратить меньше драгоценных мгновений на волнение из-за того, что могло и не случиться. Всем нам это не помешало бы. Когда мы забываем свою истинную цель, то тратим слишком много времени на ложь о том, что важно, а что нет. Я думал, что понял свою истинную цель, но тогда не представлял, что очень скоро все, во что я верю, рухнет. Быть Суперветеринаром – значит погрузиться в океан боли.

* * *

Вечером, совершенно обессиленный, я возвращался с арены O2, съездившись на заднем сиденье. Машину вел Тони – мой водитель, охранник, будильник и верный друг. Я думал, как мне повезло, что в моей жизни произошло это потрясающее событие. Мне выпала честь напрямую обратиться к множеству людей и рассказать им о фундаментальной истине: спасение человечества заключено в уважении к животным и друг к другу.

Во время турне я чувствовал: мне повезло стать ветеринаром и каждый день ощущать абсолютную любовь и надежду на установление связи между человеком и животными. Я думал о том, как напряженно трудился, чтобы пережить этот момент; как много учился; сдавал бесчисленные экзамены; работал по шестнадцать часов семь дней в неделю; переживал финансовые трудности и брал займы для создания клиники; у меня случались неудачные операции; нес большую ответственность за 250 своих коллег и подчиненных; жертвовал личной жизнью, но это был мой собственный выбор. Оглядываясь назад, я понимал, что не хотел бы другой жизни. Я реализовал свою мечту: обеспечил животным новейшие достижения медицины и добился справедливого сотрудничества с медициной человеческой. Какая у меня прекрасная жизнь!

Голос у меня снова пропал, я был измучен, но в то же время чувствовал, что мне безумно повезло, и я не променяю этого ни на что другое.

На следующее утро я вернулся к своей обычной работе в клинике. Медсестры подшучивали над моим «отпускным» турне. Их веселило, что я полностью потерял голос, но мне не хотелось отвечать на их подколки. Я знал, что день будет тяжелым, потому что придется усыпить чудесного двухлетнего палевого лабрадора Монти, – резкий контраст с атмосферой турне. С вершин восторга я рухнул в пучину отчаяния.

Монти страдал от острого остеоартрита, поразившего обе передние лапы. Собака не отвечала ни на лекарственное, ни на хирургическое лечение. Я испробовал все, но безрезультатно. Пес страдал, и мы с его семьей решили больше его не мучить. Выступая на арене О2, я постоянно думал, что не сумел спасти Монти. Я говорил о надежде, но сердце мое обливалось кровью, ибо я давно знал Монти. Он стал моим другом, и я должен был усыпить его сам, держа за лапу, и поддержать его семью во время прощания.

Входя в кабинет, я знал, что меня ждет печальный долг. Когда в дверь позвонил наш менеджер Брайан, я подумал, что он хочет меня поддержать, поздороваться после завершения турне или подшутить над моей немотой, но по его лицу я понял, что дело было в чем-то другом. Обычно яркие шотландские глаза Брайана потускнели, а приподнятое настроение сменилось зловещей вялостью. Я сразу понял, что меня ждут дурные известия, но не предполагал насколько дурные. Брайан сел напротив, печально посмотрел на меня, глубоко вздохнул и протянул плотный белый конверт с ярко-синими буквами RCVS. Никто из ветеринаров не радуется подобным посланиям: они всегда несут дурные известия.

RCVS – Королевский колледж ветеринаров-хирургов – главный управляющий ветеринарный орган Великобритании. Я глубоко уважаю эту организацию и бесконечно благодарен ей за возможность заниматься любимым делом и помогать животным-компаньонам и всем, кто их любит. Я горжусь честью быть послом ценностей этой организации и делать все, что в моих силах, чтобы поддерживать ее моральный кодекс, доброе имя и хорошую репутацию ветеринаров в обществе. Но в тот момент сердце мое оборвалось. Я непонимающе смотрел на Брайана. Даже если бы я мог говорить физически, то не знал бы, что сказать. Брайан тихо сказал:

– Простите, что принес дурные известия.

Это письмо с кучей документов он получил несколько дней назад, но, зная, что это меня страшно расстроит, и не желая нарушать программу турне, он дождался сегодняшнего утра. Четыре ветеринара (ни с кем из них я не был знаком лично и никогда не встречался) обвинили меня во врачебной нечистоплотности. Они утверждали, что я действовал не в интересах животного, которого, по их мнению, следовало сразу усыпить. Меня обвиняли в «чрезмерном лечении» на грани «экспериментирования». Авторы письма утверждали, что я действовал из эгоистических побуждений: меня больше интересовала самореклама в программе «Супервет», чем здоровье и благополучие моего пациента. По их мнению, мои действия пагубно сказались на репутации профессии ветеринара в глазах общества. Авторы письма потребовали полного дисциплинарного расследования. В зависимости от исхода мне грозило временное отстранение от работы, а то и полный запрет на занятие ветеринарией, хотя эта профессия была для меня смыслом жизни, сколько я себя помнил.

Мозг мой и весь мой мир взорвались. Мозжечковая миндалина вспыхнула. Вскрыв конверт, я быстро просмотрел содержание документа – в четырех самостоятельных, но взаимосвязанных заявлениях утверждалось, что я виновен в профессиональной нечистоплотности, а моя деятельность вредит репутации ветеринара. Я только что два месяца колесил по всей стране, чтобы укрепить репутацию ветеринаров и рассказать об абсолютной любви к животным и природе, воплощением которой эти люди являются. Я прервал тур на две недели, чтобы прочитать лекцию в американском Финиксе, куда меня пригласил Американский колледж ветеринаров-хирургов (ACVS). Я всю жизнь мечтал об этом приглашении. Тогда же я выступил

в Барселоне на конгрессе Европейского общества ветеринарной ортопедии и травматологии (ESVOT). Главной темой моей лекции была мысль о том, что мы не всегда должны что-либо делать только потому что можем это сделать. Одна из лекций была озаглавлена так: «Революция или эволюция? Этика и инженерия бионической биологии». В ней я говорил об этических аспектах развитой ветеринарной хирургии и об острой необходимости разработки строгих правил профессии, основанных на четырех столпах – этика, доказательность, эффективность и просвещение.

Двадцать восемь лет я посвящал каждый день своей жизни и все мои силы животным, доверенным моей заботе. Я всегда помнил о людях, которые любили животных и заботились о них, о своих коллегах-ветеринарах, которых я знал и любил, особенно о тех, кто работал в нашей «Фиц-семье». Я влез в колоссальные долги, чтобы создать из разрушенной фермы свою клинику. Из-за работы у меня не сложились личные отношения. Я переживал тяжелые стрессы и депрессии. Я просто физически не мог тратить больше времени на то, чем, по мнению жалобщиков, я не занимался.

Я всю жизнь хранил верность своей клятве: делать все, что в моих силах, чтобы облегчать боль и страдания животных. И сейчас меня обвиняли в том, что я этого не делал.

Неужели я действительно обычный шарлатан и ханжа? Я не мог с этим смириться. Для меня это было абсолютно неприемлемо: это полная противоположность тому, за что я выступал и боролся.

Брайан обнял меня и ушел. Я выбрался из-за стола и рухнул на постель. Спальня была в моем кабинете, ведь более десяти лет я проводил в клинике большую часть времени. Я уткнулся лицом в подушку и зарыдал, подушка промокла от слез, а я не мог мыслить здраво. В тот момент мне хотелось выбежать из клиники и никогда больше не возвращаться. Я уткнулся лбом в подушку. Почему это случилось? Как такое вообще могло случиться? Что это означало? Может быть, то, что я считал совершенно ясной целью жизни, было всего лишь мифом, потому что окружающие считали меня мошенником и алчным эгоистом?

Такова была цена суперветеринарства.

В центре жалоб был случай черепахи Германа по имени Гермес. Черепаху называли так, потому что в 2016 году ее обнаружили в картонной коробке в одноименной компании по доставке. История Гермеса и того, что произошло после его появления в нашей клинике, легла в основу четвертого эпизода двенадцатой серии «Супервет», вышедшей в свет 4 октября 2018 года. Гермес жил у Хелен, медсестры отделения интенсивной терапии, одного из самых чутких людей в мире. Она спасла черепаху и взяла к себе. Гермесу было всего пять лет, и он мог прожить еще лет сорок, а то и больше. Но во время спячки три его лапы сожрали крысы. Он попал в руки прекрасного ветеринара, специалиста по лечению экзотических животных. Он обрабатывал раны на культиях и некоторое время занимался лечением инфекции, а затем обратился ко мне с вопросом, нельзя ли сделать что-нибудь еще.

Две передние лапы были удалены на уровне нижнего конца плечевой кости, а одна задняя – на уровне нижнего конца бедренной кости, чуть выше колена. Имея только одну нормальную конечность, Гермес не мог двигаться. Хелен понимала, что качество его жизни резко ухудшилось, но она жила рядом с ним и заботилась о нем. Я видел, как черепаха позитивно общается со своей мамочкой – Гермес явно не собирался сдаваться. И поскольку черепахи живут долго, Хелен тоже не собиралась сдаваться.

Такие моменты всегда эмоциональны. Я постоянно сталкиваюсь с подобным в своей клинической практике, и это всегда очень тяжело. Родители питомцев почти физически ощущают боль и страдания своих любимцев и очень переживают, когда те получают травмы. Задача ветеринара-хирурга – быть адвокатом животного вне зависимости от чувств родителей. Но в то же

время мы должны понимать эмоциональную и психологическую травму родителей животного и относиться к ним с сочувствием.

К сожалению, мы не можем помочь всем. Кроме того, есть животные, которым не следует помогать. Недостаточно иметь возможность что-то сделать – нужно понимать, служат ли эти действия интересам животного. И тут возникает профессиональная этическая дилемма. Ветеринария развивается, появляются новые приемы и возможности, а это еще более усложняет принятие решения, ведь если в коробке лишь две конфеты, выбор гораздо проще, чем когда конфет десять. К сожалению, ветеринарная медицина никак не может решить эту дилемму: понятных и ясных рекомендаций в этом вопросе не существует.

К моменту знакомства с Гермесом я выполнял протезирование ампутированных конечностей уже более десяти лет – без ложной скромности мог сказать, что обладаю опытом в этой области, опытом всех «за» и «против» этой процедуры гораздо большим, чем любой другой ветеринар мира. Я видел хорошо и плохо сделанные протезы и у людей, и у животных. Мы многому научились в этой области. Насколько мне было известно, на черепахах подобные операции никогда не проводились, но у Гермеса просто не было другого выхода. Протезы для культи, когда в протезе делали выстеленную мягким материалом выемку, куда помещалась культя, были известны уже сотни лет. Но Гермесу такой протез не подходил, поскольку он втягивал лапы под панцирь, а с протезом это было бы невозможно. Раньше я делал для черепах колеса. Небольшие колесики, вращающиеся в разных направлениях и прикрепленные к нижней стороне панциря, могли бы ему подойти, если бы у Гермеса имелось хотя бы две лапы, но с одной лапой и этот вариант отпадал. Черепаха могла бы жить в своем состоянии, но ни Хелен, ни ее ветеринар, ни я не считали такой вариант этичным и подходящим. У нас было лишь два варианта: сделать для Гермеса бионические протезы, скрепленные с сохранившимися костями, или дать ему мирно умереть.

Конечно, имплантация протезов для Гермеса была связана с определенными проблемами и риском, как, впрочем, любая операция. Ветеринар продолжал лечить инфекцию культи. Поскольку заживление у черепах происходит медленно, Гермеса привезли ко мне не сразу. Операция также требовала времени на подготовку. Мы волновались, что этот процесс окажется слишком долгим и качество жизни черепахи будет слишком плохим, чтобы мы могли продолжать. Кроме того, оставался риск возвращения инфекции. Более того, даже если бы теоретическая возможность сделать миниатюрные импланты для крохотных костей черепахи существовала (а мы знали, что никто прежде ничего подобного не делал), операция обещала быть очень сложной и могла привести к механическим повреждениям. Кости и кожа могли не нарасти на импланты.

С такими же точно осложнениями сталкиваются не только люди, но и собаки, кошки, но на сей раз ситуация усугублялась временем реабилитации, мелкими размерами костей и другими неизвестными факторами. Если бы Хелен решила продолжать, операция и послеоперационный уход потребовали бы командных усилий – усилий множества ветеринаров, моих интернов и сестер, а также клинической команды клиники, где ранее наблюдался Гермес. Пришлось бы привлечь основного ветеринара Гермеса, поскольку он специализировался на экзотических животных и точно знал, как ухаживать за черепахой и выполнять медицинские манипуляции. Принимая во внимание все это, нам предстояло ответить на основной вопрос: будет ли решение об операции этически верным?

Когда люди сталкиваются с подобными решениями, они часто спрашивают: «А что бы сделали вы?» Раньше я отвечал откровенно и говорил, как поступил бы, если бы речь шла о моем домашнем любимце. Сегодня же я не могу ответить на этот вопрос, так как мой ответ может быть воспринят как «принуждение». Многие обращаются ко мне, потому что уже прошли через множество других ветеринаров, которые приложили все усилия, но решить проблему так и не смогли. Некоторые из них не соглашались с моими решениями, которые могли

бы вселить надежду и утешение в родителей животных. Сегодня я могу сделать только одно: доступно и объективно объяснить юридическому опекуну животного все варианты и изложить перспективы дальнейшего существования, а также этическую сторону дела.

Мы с Хелен обсудили положение черепахи, а также вопрос о том, не является ли эвтаназия в этическом плане наиболее приемлемым исходом. Решение о выполнении операции целиком зависело от Хелен. Конечно, ее ветеринар и я могли бы отказаться от лечения и рекомендовать эвтаназию, но мы не могли принудить Хелен усыпить Гермеса.

Хелен решила согласиться на операцию.

Операция была проведена в ноябре 2017 года. Установкой трех бионических протезов в лапы Гермеса занимался я, наша команда интернов, несколько медсестер и консультант, профессионально занимающийся экзотическими животными. Мы тщательно продумали операцию и с технической, и с медицинской точки зрения, а также с учетом особенностей послеоперационного ухода. В одной из палат мы построили специальный теплый и светлый бокс для Гермеса. Операция была очень сложная: каждый из крохотных имплантов имел небольшую втулку и две маленькие пластинки, соединяемые с плечевой и бедренной костью 1,5-миллиметровыми винтами, а также платформу для закрепления костей, на которой могла нарастать кожа, и еще одну втулку, к которой прикреплялась искусственная конечность. Внутренний имплант – это эндопротез, а внешняя лапа – экзопротез. Вместе эндо- и экзопротез образуют «бионическую конечность». Аналогичные импланты мы использовали для кошек и собак. Операция шла по плану. После операции мы наблюдали за Гермесом – раны его заживали хорошо, и он отправился домой. Целую неделю он энергично пытался подняться вплоть до того, когда мы прикрепили ко втулкам его новые лапы.

К нашему глубокому сожалению, через два месяца, когда Гермес находился дома, у него произошел отказ внутренних органов, и ночью он умер. Без вскрытия мы не могли узнать причины его смерти. Хелен и все мы были крайне расстроены. Мы все очень любили Гермеса (особенно Хелен), но нас утешало то, что он находился в самой теплой атмосфере, какую только можно представить. Никто из нас не сожалел о сделанном. Мы знали, что сделали для нашего маленького друга все, что было необходимо. Если бы он не умер от непредвиденной и не связанной с операцией причины, Гермес мог бы намного пережить меня. Телевизионные камеры следили за его жизненным путем. Мы рассказывали о его состоянии в нашей программе. В конце же, как мы делали всегда, мы подготовили для него небольшую карточку соболезнований.

* * *

Естественно, те четыре ветеринара видели этот случай по телевизору. Они ничего не знали о ситуации, поскольку ни Хелен, ни ее ветеринар, который и посоветовал ей обратиться ко мне, не имели никаких претензий к нашей клинике и ходу лечения черепахи. Все мы действовали в интересах Гермеса. Я советовался с видными специалистами и получил все необходимые консультации.

Четыре же ветеринара восприняли мои действия совершенно иначе. Поскольку в программе я объяснил, что мы впервые попытаемся провести подобную операцию черепахе и не можем гарантировать результата, они сочли операцию «экспериментальной». Они утверждали, что я провел экспериментальную операцию, поскольку был заинтересован в рейтинге своей телевизионной программы. Я сказал Хелен, что шансы Гермеса можно оценить как пятьдесят на пятьдесят, и жалобщики утверждали, что я ввел ее в заблуждение своим непрофессиональным поведением.

Эти четыре ветеринара считали, что я не думал о благополучии животного, а хирургическая процедура ради участия в телевизионной программе была жестокой, непрофессиональ-

ной, незтичной и неправомерной. Они утверждали что Хелен по эмоциональным причинам не могла объективно оценить, что будет лучше для Гермеса. Сами же они полагали, что для избавления черепахи от боли и страданий ее следовало усыпить. Они заявляли, что эвтаназия – это «профессиональная привилегия» ветеринаров, которой не обладают обычные врачи, и мой моральный долг как ветеринара-хирурга заключался в том, чтобы прибегнуть к этому единственному средству.

Более того, эти четыре ветеринара заявляли, что я порчу репутацию ветеринарной профессии, выполняя рискованные операции ради телевизионного успеха, что не служит общественным интересам. По их мнению, поскольку я выступаю по телевидению, то несу еще большую ответственность за жизнь животного, хотя все мы приносили одну и ту же клятву. Они заявляли, что общество следует оградить от меня, причем не только в Великобритании, но и во всех странах, где показывают шоу «Супервет». Один из них заявил, что эта программа заставляет его стыдиться нашей профессии, поскольку в ней проявляется неуважение к качеству жизни и демонстрируется наглое «чрезмерное лечение». Он добавлял, что если ветеринары и дальше будут терпеть эту программу, то возникнет риск подрыва доверия ко всем профессионалам в этой области.

Я же считал, что сделал для прекрасного животного все, что было в моих силах; провел обычную консультацию по поводу высокотехнологичной операции; работал в сотрудничестве с ветеринаром, специализирующимся на экзотических животных, и привлек еще одного узкого специалиста по экзотам, чтобы оценить медицинские потребности Гермеса, подобрать анестезию и процедуру послеоперационного ухода. Если бы я считал, что нужно что-то еще, или мне сказали бы, что я должен получить письменное разрешение комиссии по этике на помощь Гермесу, я бы, конечно, сделал это. Я сделал бы все что угодно, лишь бы избежать той боли, какую причинили мне эти обвинения. Теперь же RCVS должен был решить, кто прав, а кто виноват. И единственным, кто заплатит за это решение, буду только я.

Ситуация осложнялась тем, что операция Гермеса была беспрецедентной. Правил по использованию бионических протезов у черепах не существовало, но я приложил все усилия для качественной подготовки процедуры. После того, как Хелен выразила желание сделать Гермесу протезы конечностей, мы с лечащим ветеринаром признали, что это общепринятая процедура, поскольку она многократно и успешно выполнялась на других животных. Многие операции выполнялись в Великобритании либо впервые, либо с неизвестным исходом. Ветеринары часто оценивают перспективы успешного исхода как пятьдесят на пятьдесят, а то и меньше. Такое случается и в обычной, и в специализированной практике. И тем, кто отвечает за животное, часто приходится принимать решение об операции в подобных обстоятельствах.

Те четыре ветеринара утверждали, что я должен был настаивать на «рекомендованной» эвтаназии, хотя Хелен знала все варианты и риски и категорически возражала против такого исхода. И тут возникает вопрос: действительно ли группа ветеринаров или ветеринар-хирург, в холистическом плане, лучше знают, что будет полезнее для животного, чем его реальный опекун? Если так, тогда нам следует составить четкое и недвусмысленное руководство на будущее, потому что если ветеринар не имеет права «активно рекомендовать» лечение, но может «активно рекомендовать» эвтаназию, то поможет ли такая позиция опекуну животного принять взвешенное решение? И понравятся ли клиенту ветеринары, которые не имеют права предлагать реальные решения, но могут настаивать на эвтаназии? В моей практике были случаи, когда я советовал эвтаназию, хотя семья и опекуны животного были против. Я понимал, что люди слишком эмоционально вовлечены в ситуацию, но правильнее будет отпустить их верного друга с миром. Порой в таких ситуациях страсти накалялись. Клиенты и ветеринары твердили, что я плохой человек. Ветеринар не может настаивать на эвтаназии, так как у опекуна животного есть право обратиться за другими консультациями. С юридической точки зрения эвтаназия должна быть только их решением. Ветеринары, подавшие на меня жалобу, были с этим

несогласны. Они считали, что эвтаназию следовало настоятельно рекомендовать, а от лечения сразу отказаться. Конечно, общество по предотвращению жестокого обращения с животными иногда забирает животное у хозяина и либо лечит, либо усыпляет его по решению суда. Ветеринар не обладает такими полномочиями, но в экстремальных обстоятельствах может сообщить о действиях хозяина властям. Никто из ветеринаров, работавших с Гермесом и Хелен, не считал ситуацию требующей юридического вмешательства. Все считали, что и она, и вся ветеринарная команда действуют в интересах пациента.

Ветеринары никогда не делают операций животным, потому что они сами или опекуны животного «хотят» этого. Когда мы становимся ветеринарами, то становимся и адвокатами животных. Животные не могут говорить и по-разному переносят боль: некоторые страдают молча, другие же яростно протестуют против малейшего вмешательства. По каким параметрам оценить боль кошки, собаки или черепахи? Существуют научно утвержденные и повсеместно используемые шкалы оценки боли, но как применить их при работе с рептилиями из семейства сухопутных черепах? Да и действительно ли подобная шкала – лучшее средство оценки боли любого животного? Возможно, опекун животного лучше понимает, какую боль испытывает его питомец? Или это лучше знает ветеринар? Или два-три ветеринара? А может быть, все зависит от опыта ветеринара? Или ветеринарная комиссия по этике знает все лучше любого хозяина? Эти вопросы должны вставать при решении вопроса о медицинском или хирургическом вмешательстве, а также об эвтаназии во всем мире. Когда я делал операцию Гермесу, никаких указаний от RCVS по необходимости созыва комиссии по этике в подобных обстоятельствах не поступало. Если бы они были, то я, конечно, подчинился бы. Конкретной и централизованной системы оценки состояния пациентов, одобренной комиссией по этике, до сих пор не существует. Нет системы, к которой можно было бы обращаться при принятии решения о высокотехнологичной операции в ветеринарной практике. Я много раз обращался за подобной помощью, но окончательное решение так и не было принято. Если бы подобная система существовала, я мог бы регулярно пользоваться ею в своей практике, и таких жалоб, как в деле Гермеса, попросту не возникало бы. Одобрение можно было бы запросить заранее, и в случае отказа я мог бы сообщить об этом клиенту, тем самым избавив себя от критики из-за отказа в лечении или из-за чрезмерного лечения. Но пока что решение в самых экстремальных ситуациях остается за конкретными ветеринарами-хирургами, опекунами животного и ветеринарным консилиумом. Только так мы можем принять решение о том, что будет лучше в конкретной ситуации.

Главной проблемой для жалобщиков и RCVS было время – Гермесу действительно пришлось довольно долго ждать операции, чтобы культы зажили и инфекция прошла. Они считали, что он страдал, не имея надежды на излечение. Мы с Хелен и ее ветеринаром наблюдали за состоянием Гермеса в этот период, и у нас было совершенно иное мнение. Из нескольких месяцев своей жизни Гермес провел в моей клинике восемнадцать дней – девять дней после чистки ампутационных культей и девять дней после имплантации протезов. Но жалобщики считали, что я с этической точки зрения был ответственен за весь период его лечения, даже не связанный с моей операцией.

Хелен много лет работала с черепахами и хотела, чтобы я сделал для Гермеса все возможное. Ее ветеринар, который также имел большой опыт работы с черепахами, как и я, полагал, что Хелен, обращаясь ко мне с просьбой об операции, действовала не под влиянием эмоций, а из желания сделать для Гермеса все, что в ее силах. По роду своей работы она понимала, что ситуация очень сложная. Если бы Гермес был обречен страдать без надежды на излечение, если бы возникли новые осложнения, она без колебаний согласилась бы на эвтаназию. Все это было понятно с самого начала.

Когда я беседовал с Хелен о Гермесе, наш разговор записывало телевидение, как и многие другие в течение долгих месяцев. Мы фиксировали многие случаи из нашей практики. Очень

часто эвтаназия не попадала в программы по просьбе семей, и это совершенно понятно. Что бы ни говорили критики, наша программа не показывала обычную ветеринарную практику, где встречаются самые разные случаи. Она была посвящена нашей клинике и сугубо специализированной помощи. В тех случаях, когда могли помочь лекарства, к нам не обращались. Если я понимал, что моему пациенту операция не показана, то просто выписывал лекарства и отправлял домой. Такие случаи в программу не попадали, так как они исчерпывались одной консультацией, а для программы необходимо было поэтапное развитие.

Во-вторых, у телекомпании и канала были свои задачи. Им нужна была телевизионная программа, которую захотели бы смотреть зрители, которая соответствовала бы правилам вышестоящей организации. Редактор и директор шоу решали, чему уделить больше времени – операции или кошке в плавательном бассейне. Короче говоря, я просто занимался своей работой изо дня в день – в присутствии камер и без них. «Супервет» – это программа не о науке, а об абсолютной любви. Это не шоу «вот сколько это стоит». Наша программа была рассчитана на совершенно другую аудиторию. Мне было бы интересно увидеть шоу, в котором сравнивались бы цены на услуги ветеринарных практик различных брендов и ветеринарных клиник. Я с радостью принял бы в нем участие. Думаю, такая программа многих бы удивила. Конечно, нас критиковали бы, но большинство зрителей смогли бы правильно оценить ее содержание.

Как я уже говорил, главная моя цель – нарушить статус-кво во имя лучшего отношения к животным. Чтобы это произошло, мне была нужна как можно более широкая аудитория. Я пытался действовать через научные публикации, лекции и повышение квалификации. Но все это ничего не меняло. Телевидение же и связанный с ним интерес СМИ, а также книга и рекламное турне могли что-то изменить. Я работал над первым сезоном «Супервет» вместе с моим добрым другом, режиссером и оператором Джимом Инклдоном, потому что знал, что мне нужна глобальная платформа для пропаганды Единой медицины и справедливости к животным. Все, что я пытался сделать, было основой для «перемен, которые я хотел бы видеть в мире», путем реализации этих перемен в собственной жизни, как когда-то сделал Махатма Ганди.

Учитывая формат «Супервет», показать процесс принятия каждого решения и каждого вмешательства было просто невозможно. Но эпизод с Гермесом был единственным доказательством, использованным четырьмя жалобщиками. Если проводить любое расследование, опираясь на научно доказанные принципы, за что активно выступали я и четыре жалобщика, а также на многолетнюю академическую подготовку и опыт работы, которыми мои оппоненты, несомненно, обладали, то непонятно, почему они решили положиться на сокращенный телевизионный вариант, а не пришли в клинику и не обсудили со мной свои сомнения относительно того, что я стараюсь делать для своих пациентов и для ветеринарной медицины? С научной точки зрения такой поступок не имеет рационального смысла. Авторы жалобы объяснили свое нежелание поступить так «полной тщетностью». Даже если бы они попытались, я не стал бы их слушать. Надо же! Критическое самоедство – это практически моя религия и в личной, и в профессиональной жизни; так что им явно следовало попробовать! Они же сочли меня слишком высокомерным эгоистом, чтобы я мог к кому-нибудь прислушаться. Да, чтобы стать хирургом, выступать по телевидению и выходить на сцену, человеку необходимо эго, если же эго окажется выше моральных принципов, хирургу нечего делать в профессии.

Мой главный оппонент несколькими неделями ранее прочел лекцию для ветеринаров, в которой неоднократно упоминал программу «Супервет» и показывал случай Гермеса, называя его «явным примером чрезмерного лечения» и пренебрежения этическими протоколами. В конце лекции ему устроили настоящую овацию, что жалобщики сочли убедительным доказательством профессиональной поддержки контроля над моей профессиональной деятельностью. Должен сказать, что практически в то же самое время я читал лекции в Финиксе и Барселоне на ту же тему. Я говорил о том, что в ветеринарной медицине следует уделять большое

внимание этическим вопросам для защиты прав и благополучия животных. Мы говорили об одном и том же, но с абсолютно противоположных точек зрения. Моя мама Рита всегда говорила, что «гордыня ведет к падению», поэтому я не горжусь собственными достижениями – я настолько хорош, насколько успешной будет моя следующая операция. Но я очень горжусь своей профессией и счастлив участвовать в создании ветеринарной школы при Университете Суррея. Я работал с бесчисленным множеством студентов-ветеринаров, интернов, молодых специалистов и медсестер. Старался помочь им всем в меру своих сил. Я горжусь программой «Супервет» и командой, которая приложила огромные усилия к ее созданию. Думаю, можно сказать, что наша программа была хорошо принята зрителями. Люди поняли, что я стараюсь сделать для животных и тех, кто их любит, все, что в моих силах. Я беседовал с тысячами людей, лично и через электронную почту, интересуясь их мнением о нашей программе и турне; получил сотни писем от детей, где они писали, что решили стать ветеринарами, медсестрами, врачами и заботиться о животных и людях.

А теперь меня обвиняли в том, что я позорю свою профессию. Я был буквально раздавлен. Я свернулся клубочком на кровати, как тот напуганный мальчик сорок лет назад на ферме в Баллифине. Я думал только о боли отказа, непонимания, отчуждения и страха. Мне было трудно понять точку зрения жалобщиков. Я знал, что они поступили так, как считали правильным: их тоже беспокоило благополучие животного. И я их понимал, хотя и не разделял их точку зрения. Теперь же RCVS должен был провести расследование этой жалобы.

* * *

В Рождество и Новый год, а также большую часть 2019 года я провел за сбором документов и материалов для юридической команды в мою защиту. Меня поддерживала мама Гермеса, Хелен, а также ветеринар, лечивший черепаху. Меня поддерживали мои интерны, медсестры и коллеги-ветеринары, поскольку все понимали, что мы действовали в невероятно сложных обстоятельствах. Когда я не занимался юридическими вопросами, меня терзали страхи и сомнения, я плохо спал, мне тяжело было сосредоточиться. Порой мне казалось, что я больше не хочу быть ветеринаром, и это мучило меня. Оглядываясь назад, я понимал, что ирония судьбы в том, что всего несколько месяцев назад я колесил по всей стране, рассказывая о Ветмене и надеясь, что слушатели ощутят свет этой звезды. Но сейчас я сам больше не видел этого света: впереди был только мрак.

* * *

Тем ноябрьским утром 2018 года, когда слезы мои высохли, я лежал, сжимая в руке письмо из RCVS. Меня буквально парализовало, простыня промокла от холодного пота. У меня не было ни ментальных, ни физических сил, но нужно было подниматься. Мне нужно было действовать. Семья Монти ожидала в приемной, я должен был пройти в свой кабинет и усыпить собаку. Единственным лучом света в этом непроглядном мраке стала мысль, что я могу поддержать в тяжелый момент родителей Монти – прекрасных, добрых и любящих людей. Они пережили очень тяжелый период, и Монти все это время был членом их семьи. Он поддерживал их, а теперь они проявляли по отношению к нему величайший акт доброты – позволяли умереть достойно и без мучений.

Телефон на столе разрывался, но я не подходил. Я знал, что мне звонят из приемной: Монти и его семья готовы. Я должен был нести смерть, но понимал, что это мой моральный долг. Я должен был выйти к этим людям и заверить их, что они поступают правильно. В глубине души я понимал, что и с Гермесом поступил правильно. Мне казалось, что я рухнул с обрыва, что все тело мое покрыто синяками. И я сделал то, что делал в подобных обстоятельствах

всю свою жизнь. Я заглянул в свою душу и встретился с Ветменом, который всегда поступал правильно, потому что сердце его состояло из звездной пыли абсолютной любви. И нашел его. Он всегда был со мной. Я поднялся, умылся, переоделся и спустился в кабинет.

Я поцеловал Монти в лоб. Мама и папа держали его голову, а я взял его лапу и сделал укол пентобарбитала. Жизнь Монти постепенно угасла. Родители его обняли меня, поблагодарили за все, что я сделал. Они успокоились, поняв, что сделали для своего любимого друга то, что нужно было сделать. Говорить я не мог. Я вернулся в свою спальню, лег на кровать и снова заплакал.

2 Сейчас

”Не нужно разыскивать истину в далеких краях. Достаточно всего лишь заглянуть в глубины того, что у тебя уже есть – есть сейчас“.
Экхарт Толле

Единственное, что по-настоящему важно, – это сейчас и те, кто живет настоящим. Они живут в вечности, потому что момент сейчас – это момент всегда. Так было, так есть и так всегда будет. Нет смысла жить прошлым, не стоит жить только ради будущего – можно принять прошлое и повлиять на будущее, но если нести прошлое в будущее, то всегда будешь делать то, что делал всегда, и получать то, что всегда получал.

Но по какой-то непонятной причине мой разум часто отказывается жить сегодняшним днем. За пределами операционной я постоянно думаю о том, что сделал в прошлом и что может случиться в будущем с животными, доверенными моей заботе. И это тоже влияет на мою личную жизнь. Мне приходится делать над собой усилие, чтобы жить настоящим. Я пробовал медитацию, йогу, дыхательные упражнения, приемы психологического вмешательства. Я читал книги, смотрел психологические видео, слушал диски и подкасты о спокойствии и якорях. Иногда добивался какого-то успеха, но чаще всего терпел крах. Мне не доставало терпения, силы воли и ментального спокойствия, чтобы погрузиться в собственный разум и пробыть там дольше нескольких секунд. Хотя тело мое живет настоящим, не давая забыть о своих болях и проблемах, разум постоянно пребывает в других местах и моментах. Конечно, я прекрасно понимаю, что должен делать – я должен успокоиться, понаблюдать за мыслями и тревогами, словно это проплывающие по небу облака, принять их без осуждения, как незваных гостей, которых не следует кормить своей энергией. И отпустить. Но до недавнего времени такие усилия отвлекали меня настолько, что я просто не мог отпустить. И поэтому до самого недавнего времени сейчас от меня ускользало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.